

Социальные обязанности церкви.

I.

Мы живем в эпоху, быть может, небывалого еще обострения и утопления человеческого эгоизма, господства интереса и в личной, и в общественной жизни. Мы наблюдаем не только фактическое господство интереса, но и теоретическую его проповедь,—проповедь классовой борьбы, классового интереса, которая разделяет теперь во всех почти углах цивилизованного мира, служит лучшим тому доказательством. Правда, те, которые проповедают интерес, как высшую заповедь, как закон и пророки, клеветают на самих себя, мучительную работу совести и самоотверженности для ее они наделяют ярлыком интереса, в своеобразной слепоте платя дань духу времени, варяжась духовными болванками той среды, в атмосфере которой живут. Что бы однако они ни проповедали и как бы ни теоретизировали относительно побудительных сил их мотивов, истиной остается то, что видительной силой и в истории и в личной жизни является только работа совести, только она соединяет, а не разъединяет, подобно интересу, личному, эгоистическому самоутверждению, только она созидает, а не разлагает. Истинный прогресс есть работа совести и великие дела совести.

Работа совести не останавливается в человечестве, и Боже нас сохрани думать или утверждать, чтобы в настоящее время она стала слабее или вратилась. Напротив, она всего и действительнее, может быть, именно разбудивших своим интеллектом повстанцев классового интереса, людей социалистического и освободительного движения.

В них, может быть, и лежит центральное чувствительное совести современного человечества. Однако, это лишь по делам их и по чувствам, а отнюдь не по мыслям и не по осознанию. И не следует закрывать глаза на то, что это извращение сознания, эта слепота тяжелой болью поражает современное человечество, отравляет собой и самое социальное движение, придавая ему, вместо пафоса любви и святого гнева, иногда позаненные черты, напоминающие представителя подлинного интереса. Современные общественные деятели в большинстве случаев знают личную совесть только как невозможную контрбанду, а общественную совесть признают только как партийную дисциплину, как то, что объединяет данную группу, но в то же время изолирует ее от всего человечества. Следуя голосу интереса, современное человечество, потерявшее способность к внутреннему объединению, нравственно „единицами“ (по выражению Достоевского), разбилось на кружки, на группы, на партии, на отдельные личности, и дробление это все увеличивается. Рядом с ростом коллективизма человеческого существования, с социализацией условий жизни растет и его уединение и раздробление человечества, строители величественной башни, по мифу возведенной ее в вершин, становятся все разрозненнее, все отчужденнее друг от друга.

Неужели же и в самом деле нет и не может быть между людьми союза, основанного не на интересах, а на общей любви, на общей совести, на общем фундаменте, или же он должен быть и даже есть, но остается скрытым, не выходя пред глазами современного человечества? Чья и где может быть побуждаема недолжная раздробленность современного человечества? Для христианского сознания может быть только один ответ на эти вопросы: теперешнее раздробление и уединение человечества, муки современного индивидуализма и эгоизма, могут и должны быть побуждены, человечество может и должно иметь общую совесть, которая является истиной для отдельных лиц (насколько они хотят чувствовать и действовать по совести, не отдаваясь эгоизму, интересу, воле, не протворяча совести). Совесть эта для всего человечества, в котором нет уже ашана и иудей, свободного и раба, капиталиста и рабочего, правителя и подданного, но есть Христос, живая и воплощенная совесть людская, есть церковь, благодатный омовень веры, надежды и любви, и церковный голос есть голос совести человечества, побуждающий и заглушающий разрозненные голоса.

Все происшедшее не прошло бесследно для церковного сознания, неправда совершающегося стала осознаться уже многими. Проникло в общее сознание, что нельзя мириться с той утратой, благодаря которой коллегия ставленников свѣтской власти (хотя бы даже и облеченных духовным саном), „вѣдомство“ (как выражалось в „исповѣданіи“) церкви выдает за „свѣтскую организацию“. Необходима организация организация церковного управления, всецело основанная на началах выборности и нравственного авторитета, которая и могла бы по праву выражать голос церкви. Вся пошла и увидели, что церковь была порабощена государством и сама даже не создала при этом всей степени своего порабощения; раскрытие церкви, разрыв компромитированного и грѣховнаго союза православия и самодержавия становится лозунгом церковно-освободительнаго движения. Раскрытие церкви, перазрывно связанное съ судьбами общерусскаго освобождительнаго движения, конечно, рано или поздно совершится, это лишь вопрос времени.

Однако, этимъ не предѣляются еще вопросы о восстановленіи должнаго значенія церкви, этимъ создается только возможность ихъ постановки. Вплоть мыслимо, что и раскрытвенная вѣншиямъ

образомъ церковь останется по прежнему мертвенной, по прежнему рабой, но уже худшей, ибо добровольной, и, постепенно тория свое вліяніе, сохранит его только на женщинъ и дѣтей, стариковъ и не-вѣждъ, уступаая предъ свѣтомъ просвѣщенію, какъ ночная тѣнь солнцу. Такъ думать во вѣрующіе люди, но такъ не могутъ конечно, думать вѣрующіе, которые, хотя и допускаютъ количественное сокращеніе состава церкви, но ожидаютъ „введенія духа и силы“ въ церковь. Для такихъ наряду съ вѣншиямъ задачей церковнаго освобожденія ставятся задачи и внутренняго роста, дальнѣйшаго раскрытія той богочеловѣческой правды, которая вѣрена церкви. Должна начаться интенсивнѣйшая работа въ церкви, состоящая въ пересмотрѣ духовнаго ея багажа, въ постановкѣ заповѣдей, а то и перешенія, нѣкихъ вопросовъ. Церковь, которая глубоко сознала и выявила задачу личнаго спасенія, личной свѣтости, должна еще столь же глубоко осознать и выявить и задачу христіанской общественной свѣтости, которая представляется намъ въ настоящее время центральнымъ вопросомъ историческаго и мірового сознанія, поставленнымъ для будущаго поколѣнія. Но объ этомъ въ слѣдующій разѣ.

С. Булгакову.

Отвѣтъ г. Вѣтрову на письмо его къ С. Н. Булгакову.

Письмо г. Вѣрова къ С. Н. Булгакову чрезвычайно интересно в томъ отношеніи, что въ немъ съ большою яркостью обнаруживается ода на крупный нравственный недостаток, которая обычно возникает при обсужденіи вопросовъ, связанныхъ съ христіанствомъ.

Если христіанское отношеніе къ политическимъ и социальнымъ вопросамъ критикуются людьми, вполнѣ определенно относящимися ко всякой религіи, какъ къ оставшемуся суеверію, то совершенно очевидно, что не можетъ быть и опора о томъ, насколько правильно рѣшаются эти вопросы съ христіанской точки зрѣнія.

Во время противорѣчій между религіозной основой и рѣшеніемъ социальныхъ и политическихъ вопросовъ, нельзя подъ христіанствомъ разумѣть все, что вздумается. Если выводы какаго угодно автора ставить въ зависимость отъ собственныхъ предположеній, то конечно въ самомъ значительномъ и стройномъ построеніи можно найти „внутренній“ противорѣчій.

Центръ христіанскаго ученія—Христосъ, Богочеловѣкъ, распятый, искупившій грѣхъ міра и въ третій день воскресшій. Безъ вѣры во Христа, въ Богочеловѣчествѣ и воскресеніи—можетъ быть возможно гораздо болѣе „здоровое“ ученіе, для многихъ оно, можетъ быть, будетъ болѣе полезнымъ, но во всякомъ случаѣ оно уже не будетъ христіанскимъ.

Г. Вѣтровъ какъ разъ и стоитъ на точкѣ зрѣнія христіанства безъ Христа, человѣчества—но не Богочеловѣчества.

„Религіозный человѣкъ и жетъ быть только индивидуальность“,—пишетъ г. Вѣтровъ,—и всякая иная выходящая форма іерархіи лишь оскорбляетъ святая святыхъ его души“. Вотъ первое утвержденіе, которое стоитъ въ полнѣмъ противорѣчій съ христіанствомъ, и признаніе которое уже нельзя критиковать С. Н. Булгакову, якобы стоя съ нимъ на одной плоскости.

Христіанство учить, что, гдѣ двое или трое соберутся во Имя Іисуса, тамъ и ѡвъ посреди нихъ. Религіозное чувство для вѣрующаго не запертая для другихъ драгоценность, личное дѣло,—а общее достояніе, которое должно вестъ къ людямъ. Христіанство въ корнѣ уничтожаетъ всѣ перегородки, отдѣляющія людей другъ отъ друга, оно зоветъ къ жизни

какъ, по извѣстному образу Апокалипсиса, ушла, „въ пустыню“, она заслонена безобразной и жертвой маской „вѣдомства православнаго вѣроисповѣданія“, этой канцелярской духовныхъ дѣлъ, узурирующей голосъ церкви.

Какъ гужетъ, невыразимо гужетъ быть этотъ голосъ церкви въ ужасающіи моменты исторіи, которые теперь переживаются нами, въ какія уничижительныя положенія ставилась церковь „вѣдомствомъ православнаго исповѣданія“! Только вспомните роковыя событія послѣднихъ лѣтъ. Политическое открытіе мошей св. Серафима, свѣтостью котораго, вмѣстѣ съ блескомъ саровскихъ торжествъ, Плевне хотѣлъ подпереть рушащееся самодержавіе, не успѣло еще закончиться, когда началась стачка въ рядѣ южныхъ городовъ, опровергавшаяся первыми кровопролитіями. Но „вѣдомство“, только что въ Плевне открытые моши, молчали объ этомъ не только преступно, но и неуживо съ кровопролитіемъ. Грѣхуа русско-апонская война,—подъ рѣдъ преступныхъ ошибокъ нашего правительствѣ, и „вѣдомство“, вмѣсто того, чтобы обличить и образумить правительство, распорядилось служить молебны о „одолѣніи супостатовъ“, надѣяты ионами бутарфорскихъ генераловъ и адмираловъ. Но дни шли, и наступило 9-ое января, бывшее днемъ рѣзкомъ-жестокнаго подвига петербургскихъ рабочихъ. Какое бы ни было самъ Галопъ, но всѣ рабочіе не Галопъ, а его санъ и тотъ крестъ, который онъ несъ въ рукахъ своихъ. Съ молитвами шли принести себя въ жертву, безоружные, и пролилась святая, мученическая кровь, можетъ быть, кровь истинной церкви Христовой. И опять ветреноженныя и замуценныя сердца ждали суда совѣсти, голоса церкви, но, Боже мой, что они услышали въ посланіи св. синода, да будетъ преданъ забвенію этотъ великій грѣхъ, во многихъ и многихъ правдивыхъ сердцахъ выразившій вѣру въ церковь, быть можетъ, на всежизнь. Наступили страшные октябрьскіе дни, и здѣсь мы опять не слышали голоса церкви. Былъ какой то заветъ, названная отписка по поводу манифеста 17 октября, а затѣмъ молчаніе. Мы помнимъ здѣсь въ Кіевѣ, какъ люди металась, какъ безумные во время октябрьскаго погрома, какъ ждали, молили вѣстнаго объявляющаго голоса совѣсти церковной, и не было его. То, что и говорю, говорю это не въ обличеніе отдельныхъ лицъ, грѣхъ которыхъ, можетъ быть, и не такъ великъ (и нужно имѣть право и быть признаннымъ къ этому обличенію, на что я не думаю притязать), нѣтъ, грѣхъ этотъ созданный всей предшествующей исторіей, а вызванный отъ него ставится, какъ задача для будущаго исторіи, которую должны осознать всѣ, вѣрующіе въ церковь.

Все происшедшее не прошло бесследно для церковнаго сознанія, неправда совершающегося стала осознаться уже многими. Проникло въ общее сознаніе, что нельзя мириться съ той утратой, благодаря которой коллегия ставленниковъ свѣтской власти (хотя бы даже и облеченныхъ духовнымъ саномъ), „вѣдомство“ (какъ выражалось в „исповѣданіи“) церкви выдаетъ за „свѣтскую организацию“. Необходима организация организация церковнаго управления, всецело основанная на началахъ выборности и нравственного авторитета, которая и могла бы по праву выражать голосъ церкви. Вся пошла и увидѣли, что церковь была порабощена государствомъ и сама даже не создала при этомъ всей степени своего порабощения; раскрытие церкви, разрывъ компромитированного и грѣховнаго союза православия и самодержавия становится лозунгомъ церковно-освободительнаго движения. Раскрытие церкви, перазрывно связанное съ судьбами общерусскаго освобождительнаго движения, конечно, рано или поздно совершится, это лишь вопросъ времени.

Однако, этимъ не предѣляются еще вопросы о восстановленіи должнаго значенія церкви, этимъ создается только возможность ихъ постановки. Вплоть мыслимо, что и раскрытвенная вѣншиямъ

образомъ церковь останется по прежнему мертвенной, по прежнему рабой, но уже худшей, ибо добровольной, и, постепенно тория свое вліяніе, сохранит его только на женщинъ и дѣтей, стариковъ и не-вѣждъ, уступаая предъ свѣтомъ просвѣщенію, какъ ночная тѣнь солнцу. Такъ думать во вѣрующіе люди, но такъ не могутъ конечно, думать вѣрующіе, которые, хотя и допускаютъ количественное сокращеніе состава церкви, но ожидаютъ „введенія духа и силы“ въ церковь. Для такихъ наряду съ вѣншиямъ задачей церковнаго освобожденія ставятся задачи и внутренняго роста, дальнѣйшаго раскрытія той богочеловѣческой правды, которая вѣрена церкви. Должна начаться интенсивнѣйшая работа въ церкви, состоящая въ пересмотрѣ духовнаго ея багажа, въ постановкѣ заповѣдей, а то и перешенія, нѣкихъ вопросовъ. Церковь, которая глубоко сознала и выявила задачу личнаго спасенія, личной свѣтости, должна еще столь же глубоко осознать и выявить и задачу христіанской общественной свѣтости, которая представляется намъ въ настоящее время центральнымъ вопросомъ историческаго и мірового сознанія, поставленнымъ для будущаго поколѣнія. Но объ этомъ въ слѣдующій разѣ.

С. Булгакову.

Отвѣтъ г. Вѣтрову на письмо его къ С. Н. Булгакову.

Отвѣтъ г. Вѣтрову на письмо его къ С. Н. Булгакову.

Письмо г. Вѣрова къ С. Н. Булгакову чрезвычайно интересно в томъ отношеніи, что въ немъ съ большою яркостью обнаруживается ода на крупный нравственный недостаток, которая обычно возникает при обсужденіи вопросовъ, связанныхъ съ христіанствомъ.

Если христіанское отношеніе къ политическимъ и социальнымъ вопросамъ критикуются людьми, вполнѣ определенно относящимися ко всякой религіи, какъ къ оставшемуся суеверію, то совершенно очевидно, что не можетъ быть и опора о томъ, насколько правильно рѣшаются эти вопросы съ христіанской точки зрѣнія.

Во время противорѣчій между религіозной основой и рѣшеніемъ социальныхъ и политическихъ вопросовъ, нельзя подъ христіанствомъ разумѣть все, что вздумается. Если выводы какаго угодно автора ставить въ зависимость отъ собственныхъ предположеній, то конечно въ самомъ значительномъ и стройномъ построеніи можно найти „внутренній“ противорѣчій.

Центръ христіанскаго ученія—Христосъ, Богочеловѣкъ, распятый, искупившій грѣхъ міра и въ третій день воскресшій. Безъ вѣры во Христа, въ Богочеловѣчествѣ и воскресеніи—можетъ быть возможно гораздо болѣе „здоровое“ ученіе, для многихъ оно, можетъ быть, будетъ болѣе полезнымъ, но во всякомъ случаѣ оно уже не будетъ христіанскимъ.

Г. Вѣтровъ какъ разъ и стоитъ на точкѣ зрѣнія христіанства безъ Христа, человѣчества—но не Богочеловѣчества.

„Религіозный человѣкъ и жетъ быть только индивидуальность“,—пишетъ г. Вѣтровъ,—и всякая иная выходящая форма іерархіи лишь оскорбляетъ святая святыхъ его души“. Вотъ первое утвержденіе, которое стоитъ въ полнѣмъ противорѣчій съ христіанствомъ, и признаніе которое уже нельзя критиковать С. Н. Булгакову, якобы стоя съ нимъ на одной плоскости.

Христіанство учить, что, гдѣ двое или трое соберутся во Имя Іисуса, тамъ и ѡвъ посреди нихъ. Религіозное чувство для вѣрующаго не запертая для другихъ драгоценность, личное дѣло,—а общее достояніе, которое должно вестъ къ людямъ. Христіанство въ корнѣ уничтожаетъ всѣ перегородки, отдѣляющія людей другъ отъ друга, оно зоветъ къ жизни

*) См. № 3.